

Олег Дивов

Красная машина, черный пистолет

Часть сборника
Красная машина, черный пистолет (сборник)

Олег Дивов

Красная машина, черный пистолет

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дивов О. И.

Красная машина, черный пистолет / О. И. Дивов — «Эксмо»,
2015

«Девушка идет по тротуару, безмятежно улыбаясь своим мыслям. Не сказать, что красавица, но такая прелесть – глаз не оторвать. Камера заднего вида замечает ее, когда уже поздно, совсем поздно. Если она не остановится, через двадцать секунд ее милое лицико попадет точно под сноп осколков, а я ничего не могу сделать. Мне нельзя выходить из машины. Все, что в моих силах, – высунуть руку в окно и выстрелить девушке под ноги. Возможно, это решение...»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дивов О. И., 2015
© Эксмо, 2015

Олег Дивов

Красная машина, черный пистолет

Девушка идет по тротуару, безмятежно улыбаясь своим мыслям. Не сказать, что красавица, но такая прелесть – глаз не оторвать. Камера заднего вида замечает ее, когда уже поздно, совсем поздно.

Если она не остановится, через двадцать секунд ее милое личико попадет точно под сноп осколков, а я ничего не могу сделать. Мне нельзя выходить из машины. Все, что в моих силах, – высунуть руку в окно и выстрелить девушке под ноги. Возможно, это решение.

Я вижу на мониторе, как она переводит рассеянный взгляд чуть правее и слегка приподнимает брови. У меня на заднем бампере крупно написано желтым: NOT MADE IN CHINA. Приметный автомобиль, теперь таких не делают, очень агрессивного дизайна и очень красного цвета. По обводам машина явно женского пола, и зовут ее – только сильно не смейтесь – Маша.

Я стою у тротуара, он широкий, метров десять, дальше возвышение в пять ступенек и полупрозрачный фасад Института Физики Пространства. Полторы минуты назад, когда Тим с Борисборисычем добрались до нужной лаборатории и начали там безобразничать, прошел сигнал тревоги, и двери из толстенного стекла заблокировались намертво. Открывать будем взрывчаткой. Еще немного – и со ступеней поверх машины полетят крошки с обломками фурнитуры. Машке-то плевать, разве что поцарапает слегка, она и без того царапанная. Конечно, я предпочел бы стоять где угодно, только не здесь, но больше негде, везде парковочные камеры. Стоит им Машку заметить и опознать, полиция рванет сюда сломя голову: запрещенное транспортное средство в городе. А у нас тут, извините, не только средство запрещенное, но и цель какая-то, мягко говоря, полупочтеннная: вооруженное ограбление. Нам раньше времени совсем не надо встречаться с полицией и давать ей повод стрелять. И себе давать повод тоже незачем.

Поэтому я стою там, где камер нет, – точно перед дверью института, на площадке для пожарной и спасательной техники. Голая психология: нет такого идиота, который тут запаркуется. На Земле теперь все очень хорошие и послушные. Они стоят там, где разрешено, и вообще делают то, что разрешено. Иначе их накажут. Они все время помнят, что их могут наказать.

А я непослушный и нехороший, человек из прошлого на машине из прошлого, я плевать хотел на правила, и вот мне тоже наказание: девица идет точно под взрыв.

Наверное, это судьба.

Выпрыгиваю наружу, захлопываю дверь, поворачиваюсь, и девушка оказывается у меня в объятиях. Она даже не успевает испугаться.

– Это займет две секунды, – говорю я.

Валю ее на асфальт и падаю сверху.

В тот же миг наши открывают двери.

Мама родная, как долбануло-то!

И даже сквозь звон в ушах отмечаю: по крыше машины брякает железное. Значит, все правильно сделал. А то влетело бы девице прямо в ухо.

Вскакиваю и рывком ставлю девушку обратно на ноги. Глазищи у нее в пол-лица.

С меня градом сыплется крупная стеклянная крупа.

По ступеням бегут двое в противогазах. Вслед за ними летят клубы оранжевого дыма, такие плотные, хоть ножом режь и на хлеб намазывай. Это на случай, если среди охраны найдутся герои и решат выскоить следом. Ну и просто красиво.

– Спасибо, – говорю я девушке и ныряю в машину.

Тим запрыгивает назад, Борисборисыч садится рядом со мной, и ведь оба успевают зыркнуть на спасенную, которая стоит, малость остолбенев, и пытается сообразить, что это было. Действительно, она прелесть.

– Что это было? – гундосит сквозь противогаз Борисыч.

Плавно наступаю на педаль, Маша едва заметно приседает и срывается с места.

– Жениться хотел, – говорю. – А вы все испортили, подрывники хреновы.

Бросаю взгляд на монитор, последний взгляд на девушку, и забываю о ней, хочется думать, навсегда. Не хватало еще влюбиться, знаем мы этот обратный стокгольмский синдром.

Борисыч снимает противогаз и все так же гундосит, никакой разницы:

– Ты вышел из машины.

– Нам не нужен молодой красивый труп. В плане операции его не было.

– А если бы труп оказался твой?

– Не будь занудой, папаша, – подает голос Тим. – Алекс поступил очень глупо, но...

Нельзя за такое ругать.

– Тебя не спросили... сынок, – цедит Борисыч.

Маршрут рассчитан по секундам, три зеленых светофора, потом направо и к трассе. Выезд из города закрыть не успеют, воздушный патруль когда еще поднимется, и только на трассе нас догонят перехватчики с ближайшего поста. Ничего, пусть догоняют. Минуту назад мы не хотели быть заметными, теперь наоборот. Пускай рассмотрят нас получше. И расстрелят на всю обитаемую вселенную, кто именно их ограбил.

Держу пятьдесят пять миль, незачем устраивать в городе кориду, надо просто спокойно пройти светофоры. Левый ряд свободен, не езда – сплошное удовольствие. Было бы. Если бы.

Сейчас не время наслаждаться поездкой, я просто спокоен, привычно спокоен. За штурвалом нельзя волноваться и впечатляться. Чем сложнее маневр, тем я холоднее. В самых трудных ситуациях я превращаюсь вовсе в камень. Нервничать можно потом, когда встанешь на обочине и заметишь, как трясутся руки. Дорога нервных не любит.

А вот подельников моих заметно колотит. Спиной чувствуя, как трясет Тима. Борисыч-то с виду ничего, но трудно дышит.

Я не задаю вопросов. Оба здесь – ну и хорошо. Третий светофор, и я прямо из левого ряда заправляю машину в глубокий правый вираж. Сзади гудят заполошно, но вроде никто не стукнулся.

– Ты мог просто из окна выстрелить ей под ноги, – говорит Борисыч. – И тут же закрыться.

Вот заело человека. В общем, понятно, он же весь план разработал.

– Ага, и рикошетом – в живот.

– Ну показал бы пистолет... Ты не имел права рисковать собой.

Движение на вылетной магистрали чуть плотнее, чем хотелось бы, мы ныряем из ряда в ряд, но Борисыч никогда не стеснялся говорить мне под руку, привык, что я не реагирую. Семьдесят миль, сейчас выскошим, и будет сто.

– Тим, я не слышал, как ты пристегнулся, – говорю.

Сзади клацает замок.

– Борисыч, дорогой, не дуйся... Она вышла из-за угла, оставалось мало времени, каких-то двадцать секунд. Я видел, какие у нее были глаза. Махать стволом не имело смысла. Она успела бы подойти вплотную, да еще и спросила бы, чего мне надо.

– И что за глаза у нее были? – спрашивает Борисыч как-то подчеркнуто недобро.

– Счастливые, – говорю.

Позади хрустит и щелкает пластмасса – судя по звукам, Тим цепляет на пистолет тактический обвес. Недолюбливаю пистолеты, неудобное оружие, слишком большой привычки требует, но с передней рукояткой, прикладом и коллиматором уже пострелять можно. Впрочем, я и без приклада с тридцати шагов легко попаду в неподвижного человека, а будет дрыгаться,

так хотя бы напугаю и заставлю убежать. Тем не менее особого доверия к пистолетам не испытываю. Опыта не хватает. Пускай Тим с ними забавляется, у него опыта полным-полно.

Если все пойдет как надо, стрелять Тим сегодня вообще не будет.

А пойдет совсем худо, я ему случайно башку продырявлю. И никто меня не заставит ответить зачем. Скажу, что так и было. Тим очень симпатичный парень и квалифицированный убийца. Его на это дело всю жизнь натаскивали, короткую и глупую. Двадцать два года, черт возьми, мне бы столько.

Я к Тиму хорошо отношусь, сочувственno. Просто я намного старше, и у меня звериная интуиция военного преступника, с которой трудно справиться.

– Что с погодой на развязке?

– Полный штиль. Я слежу, – говорит Борисыч.

– Ну, погнали.

У выездного поста машины начинают тормозить, но левый ряд свободен. Не успели выставить заслон, на это нужна особая санкция, на санкцию нужно время, а пока что автопилоты не пустят никого в левый, раз справа все нормально. Поэтому в левом отважно стоит одинокий полицейский и машет жезлом.

У Маши нет автопилота. Конструктивно не предусмотрен. Это вам не какое-то современное модное недоразумение, а старый добрый автомобиль. Зверски красного цвета, очень красного. Теперь не то что таких машин не делают, а даже такого красного цвета не бывает.

С Машей нельзя связаться по вайфу, приказать ей сбросить газ и прижаться к обочине. Полиция не может с ней договориться ни по-хорошему, ни по-плохому. Она, по нынешним меркам, неуправляемая.

Дикая красная машина.

В прекрасном новом мире она не имеет права ездить вне специально отведенных спортивных трасс. То, что мы с ней сегодня выбрались в город, – лютое нарушение, тянет на конфискацию транспортного средства и запрет вождения чего бы то ни было лет в десять. Поэтому я прятался от камер.

Впереди проем в отбойнике, наша первая точка отмены. Если переходить на запасной план, тогда здесь. Остальные две точки намного хуже, там шансов уцелеть всего ничего.

– Погода?

– По нулям.

– Продолжаю движение.

Сто десять миль. Полицейский отпрыгивает через отбойник, резвый парень. Сейчас за нами сорвутся перехватчики. Вот что им стоило, казалось бы, уже катиться впереди и пытаться нас заблокировать, стрелять электромагнитными «пауками» не вдогон, а в лоб и в борт? Что стоило раскатать по левому ряду ленту с шипами?

Рабочего места им это стоило бы. У них инструкция. Мы знаем их инструкцию назубок. Они держатся за свои рабочие места – хорошие, послушные ребята. Как все теперь. За малейшее нарушение их ждет наказание. Кого угодно ждет наказание за что угодно.

Самое удивительное – они все равно воруют, как твари последние, и охотно продают секреты, которые никто из наших не продал бы никогда. Они не такие, как мы. Не любят свою корпорацию, хотя та и победила.

А мы с Борисычем, гады и сволочи, деятельные участники конфликта, который запрещено называть Второй Корпоративной Войной. И никто на Земле – ах, хорошие вы мои, послушные! – его так не называет. Не было такой войны. И нас там не было. Да и кто мы, собственно, инфослужба. Сколько длилось это дермо, полтора года, толком даже не стреляли, так, пару раз отстреливались, и то по собственной дурости.

Но мы нарушили такие правила, что вам и не снилось. Мы, военные преступники, ничуть не лучше тех наемников, кто разносил города ракетными ударами. Они-то за деньги и по при-

казу, они всегда могут спрятаться за прейскурант и приказ. А мы-то от всего сердца. Провокаторы и манипуляторы. Кукловоды.

Наш директорат поздно сообразил, что драка идет не на жизнь, а на смерть, мы отбивались – и проиграли. Нас выдали из родного дома в дальние колонии. Передел сфер влияния, захват ресурсов, включая людские, ничего личного.

И очень личное для простых участников конфликта, потерявших на войне все, кроме своей шкуры, местами тоже продырявленной.

Сейчас Тим придерживает одной рукой на сиденье чемодан, в котором собственность нашей корпорации. Нам чужого не надо, мы просто забрали свое. Это расчеты по гипердрайву, двигателю второго поколения. Враг ковырялся с ним шесть лет, но так и не продвинулся. Туда на всякий случай воткнули системную ошибку. А наши знают, что делать. У нас будут непобедимые боевые беспилотники, и вслед за ними придем мы на новых транспортных кораблях и заберем все свое обратно. И ваше заберем, раз вы не умеете им пользоваться, и народ вас не любит.

И спросим, какого черта вы раздробили родину на княжества сообразно числу дочерних компаний и устроили там новый феодализм, обозвав его, естественно, народным социализмом. И поднимем из архива – этот секрет нам тоже продали – боевые приказы времен той войны. Приказы вашим наемникам бомбить гражданских без стеснения. Видите ли, аналитики считают это разумным: надо, чтобы под конкурентом горела земля, а населения и так слишком много, нам столько ни к чему... Очень разумно, очень продуманно, и ничего личного. Уж мы постараемся эти бумажки положить в гробы тем, кто их подписывал.

Вы сохранили документы, чтобы при случае напоминать друг другу, какой большой кровью повязаны. Мы напомним это вам всем и сразу...

Не вижу перехватчиков, но слышу в левом ухе на полицейской волне, что они где-то сзади, четко по инструкции, пошли догонять. Чудесно. Взять нас со встречной полосы не выйдет, тут сплошной отбойник, вертолеты не успевают, а заслон сейчас выставляют под развязкой, к которой мы и шпарим, быстро наращивая скорость.

– Погода?

– Все по нулям. Я скажу, если переменится.

– Принято.

Я не гонщик, самый обычный водитель, умеренно опытный, и люблю сто десять миль – тогда Машу можно держать одной рукой, буквально двумя пальцами. Но сейчас уже сто пятьдесят. Этого пока достаточно. Трасса визуально сужается, пейзаж по сторонам начинает сливаться в серо-зеленую стенку с яркими пятнышками реклам, еще немного прибавить, и будет полное впечатление, будто едешь по трубе. Движения в правых рядах почти нет, я так и планировал, выбирая время.

От архива до космодрома – моя часть операции, здесь я был голова, когда мы все продумывали, Борисыч только кивал. Ему не понравилось узкое место на развязке, мне оно тоже совсем не нравится. Собственно, это единственное откровенно слабое звено в нашей затее. Но других вариантов нет.

У здания института тоже не было вариантов, где встать, и в итоге я доброе дело сделал, прелестную девчонку спас. Пускай теперь на развязке я нас спасу. Лишь бы подвеска выдержала. И лишь бы туда прямо сейчас не заехала какая-нибудь внеплановая бетономешалка. Вот это будет неприятный сюрприз. Там и без того до черта техники, и вся она мне мешает.

– Борисборисыч, посмотри на стройку, нет там шевеления?

– Только что смотрел, глухо. Я же обещал, там до конца недели будет полный стоп, украли все.

Он сам и сделал, что украли, даже знать не хочу, каким образом. У Борисыча старые связи дай бог каждому. Гуманитарные технологии не воруют своими руками, они уничтожают

имущество врага методом стимуляции промотания и разбазаривания. Борисыч на этом еще до войны съел очень большую собаку.

Выкручиваю заднюю камеру до упора и наконец-то вижу перехватчики: две белые зализанные капли у нас на хвосте. По-своему они красивы, хотя совсем не похожи на автомобили. Приближаются медленно, но неотвратимо. У обоих на крыше плоские башенки с пушками для запуска «пауков». Вцепится такая дрянь в задницу, шибанет разрядом, тут у машинки и мозги набекрень. И приехали.

– Вижу наш почетный эскорт.

– А то пуганем их? – Это Тим.

– Отставить, – говорит Борисыч. – Ты Алексу не веришь, что ли?

Тим никогда так быстро не ездил, ему просто не понять, что значит приоткрыть заднее окно на ста пятидесяти милях. Сейчас никто так быстро не ездит, кроме гонщиков-профессионалов. Я пытался объяснить, что для начала мы оглохнем, потом нашего стрелка треснет головой об рамку двери, потом он наверняка потеряет ствол, и тот будет лететь за нами на ремне, колотясь об машину так и сяк, да еще и запросто вывихнет стрелку руку. Тим сделал вид, что поверил.

Ему хочется пострелять хотя бы неприцельно в полицию, я понимаю. Для него полицейские – верные псы корпорации, сломавшей жизни поколения родителей и моего поколения заодно. Тим даже не будет непременно убивать, ему бы просто как следует опустить их, сурово и убедительно. Заставить держать приличную дистанцию. Остаться там, где и место этим хорошим полицейским, – от нас как можно дальше.

Тим хочет отомстить за нас. Очень мило с его стороны. Но совершенно излишне. Он рвется на войну, которой не было, не понимая, что это не его война. С моей точки зрения, он просто не имеет права лезть в наши разборки. Хватит и того, что его взяли на дело. Он неплохо справляется с задачей, но одним своим присутствием в нашей команде, одной своей слепой мальчишеской яростью выматывает мне нервы.

– Спасибо, Тим, – говорю. – Но действительно не стоит.

Борисыч влип в сиденье и крепко держится за подлокотник. Ему трудно, он ведь не гангстер, просто суровый рано постаревший мужчина сорока восьми лет от роду. Ему бы сейчас занятие какое, а он вынужден сидеть в роли чемодана и покорно ждать развития событий.

Мне легко, я водитель. Уже почти совсем окаменел, а ближе к развязке буду просто кирпичом.

Тим у нас гангстер, вот у кого шило в тощей заднице, меткий стрелок и умелый подрывник, без приключений – как без пряников. Службой безопасности характеризуется крайне положительно. Знай они, какой энтузиазм из него попрет, когда Тим окажется тут, на Земле, которая для него, по умолчанию, враждебная территория, три раза бы подумали. Хороший мальчик, но с промытыми напрочь мозгами. Нам этого шибздука дали, поскольку он вылитый Борисыч в молодости и, по легенде, его сын. Ну Тим и вошел в роль как нельзя лучше. Задирал «папашу» всячески, пару раз едва по шее не схлопотал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.